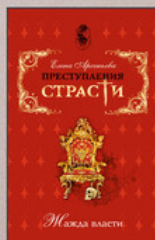

Елена Арсеньева

Недостижимая корона (Марина Мнишек, Польша –...

*Часть сборника
Преступления страсти. Жажда
власти (сборник)*

Елена Арсеньева
Недостижимая корона (Марина
Мнишек, Польша – Россия)
Серия «Преступления
страсти. Жажда власти»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167787

Преступления страсти. Жажда власти: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-28825-0

Аннотация

«Пан Юрий Мнишек, воевода сендомирский, хоть убейте, не понимал, за что в его дочку напрапалую влюбляются глупые шляхтичи и даже стреляют друг в дружку на дуэлях. За что девчонку считают признанной чаровницей? Даже сам король Сигизмунд недавно предлагал панне Марианне сделаться его любовницей. Что он нашел в этой сухореброй маленькой птичке? А она, эта заносчивая краля, отказала!...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

25

Елена Арсеньева

Недостижимая корона

(Марина Мнишек, Польша – Россия)

Пан Юрий Мнишек, воевода сендомирский, хоть убейте, не понимал, за что в его дочку напропалую влюбляются глупые шляхтичи и даже стреляют друг в дружку на дуэлях. За что девчонку считают признанной чаровницей? Даже сам король Сигизмунд недавно предлагал панне Марианне сделать-ся его любовницей. Что он нашел в этой сухореброй маленькой птичке? А она, эта заносчивая краля, отказала!

Конечно, Марианна отказала. Королевская постель ее не влекла. Вот если бы Сигизмунд предложил ей трон! Предложил бы разделить с ним власть! Но король уже женат, и ему было с кем делить трон и власть...

Отчего-то она верила, что рождена именно для трона. Рождена, чтобы властвовать! Поэтому ей не слишком значительной казалась партия, которую сделала ее младшая сестра Урсула: она вышла за магната Константина Вишневецкого. Все считали, что это блестящая партия. Но Марианна косоротилась и перебирала женихов. То одному откажет, то другому... словно и впрямь ждет принца-королевича, красав-

ца зачарованного, наследника несметных богатств и власти над сказочным королевством, сердито думал пан Мнишек. О таких царевичах-королевичах красно да сладко поют песнопевцы. Но песни и сказки – сладкая ложь. Неужто можно верить в чудеса? Воевода сендомирский уже стал бояться, как бы привередливая дочка не засиделась в девках.

Его опасения разделяла Барбара Казановская, камеристка панны Марианны. Ох, переборчива девчонка! Постареет, поблекнет – ну куда ее потом девать? Придется отцу отдавать ее за первого встречного, да еще спасибо сказать, если кто посватается.

Марианна ждала королевича, но посватался за нее... конюх.

Этот конюх впервые увидел прекрасную панну на псарне. Она приехала выбрать себе щенка из нового помета борзых, и Григорий (так звали этого русского бродягу, беглого монаха, поступившего в услужение к брагинскому кастеляну Адаму Вишневецкому, в гости к которому прибыли его брат Константин с тестем, женой и ее сестрицей) потерял голову с одного взгляда.

Чтобы прелестная панна не испачкала в грязи свои крошечные ножки, Григорий бросил в грязь кунтуш, выстилая ей путь, а потом забыл одеться – до того ошалел от любви. Очи Марианны словно бы отравили его. С той самой минуты он хотел только ее, ее одну. Погруженный в мечты о недосягаемой красоте, он застудился под ноябрьским ветром и

студеным дождем, слег в постель и написал в полубреду горячее послание, которое украдкой бросил в окошко панны Марианны.

Уже само по себе удивительно, чтобы какой-то конюх да псарь (этот Гжегош, как кликали его поляки, не гнушался никакой работой) знал грамоте и писал весьма витиеватым слогом. Но то, что он писал, было и вовсе диковинно!

«Поверьте, прекрасная дама: тот несчастный, который до безумия любит вас, дал бы выпустить себе по капле всю кровь, чтобы подтвердить правдивость каждого своего слова. Вы взошли на тусклом небосклоне моей жизни, словно ослепительная звезда, любовь к вам окрылила меня. Благодаря вам я понял: настало время сознаться, открыть свое истинное имя. Довольно влачить жалкий жребий, навязанный мне убийцей моего отца и гонителем моей матери, пора смело взглянуть в глаза своей Судьбе, принять ее поцелуй — или тот губительный удар, который вновь низвергнет меня, ожившего мертвеца, в царство призраков, откуда я вышел ненадолго, поскольку тень отца моего меня воодушевила.

Знайте, панна Марианна: будь я тем, кем меня привыкли считать окружающие, то есть наемным хлопцем Гжегошем или беглым монахом Григорием Отрепьевым, я предпочел бы умереть от безответной любви к вам, но не осквернить ваш слух своим убожеством. Но обстоятельства моего происхождения позволяют обратиться к вам почти на

равных, ибо я есть не кто иной, как младший сын царя Ивана Васильевича, прозванного Грозным, и его жены Марии Нагой. Имя мое Дмитрий Иванович, и если бы сложились обстоятельства в мою пользу, я воссел бы на российский трон и звался бы Дмитрием Первым...»

(Заметим в скобках: возможность того, что человек, называемый в официальной русской историографии Лжедмитрием I или Самозванцем, на самом деле был сыном Ивана Грозного и Марьи Нагой, допускал, в частности, Н. Костомаров, который даже приводил ряд доказательств в пользу этой версии (см. его работы «Кто был Лжедмитрий?», «По вопросу о личности первого Самозванца»). В любом случае никто определенно не знает, кем был Дмитрий, потому что и Костомаров, и К. Валишевский, и многие другие историки весьма скептически относятся к отождествлению его с Гришкой Отрепьевым и высказываются, что это могло быть пропагандистским шагом Годунова – с целью скомпрометировать соперника. Точно так же допускается, что Романовы приложили немало усилий, чтобы уничтожить все свидетельства личности Дмитрия Первого, ибо признать его сыном Грозного было абсолютно не в их интересах. Как-никак Филарет Романов, отец царя Михаила Федоровича, был соучастником Василия Шуйского при свержении Самозванца.)

Пронырливому Мнишку и просвещенным Вишневецким было ведомо, что царевич Дмитрий, сосланный вместе с матерью своей, седьмой женой Грозного Марьей Нагой, в Уг-

лич, там и погиб еще в 1591 году, сам себя зарезав по нечаянности ножичком. Однако ходили упорные слухи, что зарезался он вовсе не сам, а Борис Годунов, бывший в ту пору истинным правителем России (даром что на троне сидел венчанный царь Федор Иванович, старший брат Дмитрия!), столь жутким образом обеспечил власть за собой.

Но вот поди ж ты! Царевич живой объявился!

Конечно, измыслить можно всякое. Однако в доказательство Гжегош предъявил крест из чистого золота, весь осыпанный алмазами, с изображением русского двуглавого орла в середине. Но даже не только и не столько крест заставил братьев Вишневецких, а потом и пана Мнишка поверить словам Григория, вернее, Дмитрия.

Когда к нему внимательней присмотрелись, то обнаружили: в каждом его слове, в повадке, во всей его натуре сквозило истинно царственное достоинство, даром что был собою хлопец неказист. Росту он был среднего, даже невысокого, с лицом круглым, а волосы имели рыжеватый оттенок. Правда, очи редкостного темно-голубого цвета напоминали глубокое вечернее небо, и очи сии были самым приятным в его лице. Но сложения молодой человек был крепкого и руки его отличались необычайной силой. Кроме того, он оказался хорошо образован, знал не только польский, но и латынь, а в удали превосходил многих родовитых шляхтичей. Не было равных ему в верховой езде и в умении стрелять в цель. И язык у него был подвешен чрезвычайно удачно. Во вся-

ком случае, историю своего чудесного спасения из Углича, от подосланных Годуновым убийц, он излагал весьма складно. Право, сам Цицерон не мог быть более красноречивым!

— Царь Борис, посягая завладеть Московским царством, когда умрет его зять, царь Федор, тайно приказал убить меня, — рассказывал Дмитрий, вселяя трепет в сердца слушателей. — Но меня спасли верные люди. Предчувствуя, что у Бориса созреет злодейский замысел, они подменили меня другим ребенком. Увезли в боярскую семью, где я и воспитывался до поры до времени. Потом меня, чтобы лучше охранить от Годунова, отправили в один монастырь, в другой. А когда пришел я в возраст, тяжело стало мне скрываться в Московской земле, вот и ушел в Польшу. А теперь принял твердое намерение: возвратить с вашей помощью отеческое достояние и законно принадлежащую мне власть. Хочу я сего не из честолюбия, а чтобы не торжествовало злодеяние. Многие бояре московские желают того же, многие знают, что я жив, ожидают меня, ненавидят Бориса и готовы признать меня московским государем!

В самом деле, звучало сие красно и правдоподобно, вот поляки, всегда готовые к авантюрам, и поверили каждому слову. А если кто не шибко верил, высказывались по-латыни так: «*Se non e vero, e ben trovato!*», что означало: «Пусть это и неправда, но хорошо придумано!» И выражали согласие попытать счастья и возвести-таки претендента на московский престол.

Пан Юрий Мнишек не помнил себя от восхищения. С ума сойти: его дочь, простая шляхтянка, будет замужем за русским царем! Сделается владычицей баснословной Руси! Выходит, правильно делала Марианна, отказывая прочим жёнам. Она жаждала власти – и она ее получит!

Конечно, упустить такого зятя пан Мнишек никак не хотел. И он, и братья Вишневецкие наизнанку вывернулись, чтобы привлечь на сторону претендента и короля, и сейм, и церковь. Им удалось собрать в Самборе великое множество шляхтичей, привыкших проводить большую часть жизни на коне и в поле. Им не привыкать было воевать, а если речь шла о войне с ненавистными москалями – за то многие и сами готовы были приплатить, несмотря на врожденную скупость и наследственную нищету. Однако тут выгорала и большая прибыль, обещанная царевичем Дмитрием: служба каждого шляхтича, каждого наемника должна быть щедро вознаграждена. А уж какие выгоды получали его ближайшие сподвижники, Мнишки, Вишневецкие и сам польский король! От таких посулов Иван Грозный небось в гробу переворачивался, когда слышал, сколь просто его сыночек готов расточить отцово достояние. И все ради дочери сендомирского воеводы!

Но Мнишек понимал: Дмитрий будет тем больше жаждать Марианны, чем дольше она останется для него недоступной. В умении своей дочери удержать поклонника одними взглядами и улыбками пан Юрий не сомневался. Ведь это была его

дочь! Для Марианны главное – власть и богатство, а страдания от разбитого сердца – не для нее.

Именно поэтому отец красавицы водил царевича за нос как мог долго. Уже Дмитрий во главе польской армии покинул пределы Речи Посполитой. Уже к войску его примкнули русские полки и донские казаки. Уже народ, измученный тяготами Борисова правления, с надеждой обратил свои взоры на царевича, в котором многие охотно признавали сына Грозного. Уже Дмитрий взял Москву, уже воссел на трон, с которого успел скатиться Бориска... То ли своей смертью он помер, то ли покончил с собой – Бог его весть, собаке собачья и смерть! Уже вся Россия присягала государю Дмитрию, а между тем Мнишек все еще не выпускал дочь из Польши.

И пан Юрий, и католические священники, которые благословили будущий брак, а также всю эскападу поляков на восток, понимали: Марианна, или, как называют ее русские, Марина, – практически единственное средство держать в руках Дмитрия. Воссев на престол и найдя единомышленников и преданных слуг среди русских, он вполне может нарушить некоторые свои обещания. Например, насчет передачи Смоленского и Северского княжества в потомственное владение Юрию Мнишку, а также передачи ему доходов с близлежащих земель (лично панне Марианне полагался миллион польских злотых и Великий Новгород и Псков со всеми ближними землями и уделами); а также насчет заключения вечного союза между обоими государствами, насчет сво-

бодного въезда иезуитов в Россию, строительства католических церквей, латинских школ и постепенного окатоличивания русских; насчет помощи шведскому королю вернуть его престол; насчет... Да мало ли надавал обещаний синеглазый царевич в ослеплении любви и жажде власти!

Мнишек рад был бы вовсе не выпускать царскую невесту из Польши до тех пор, пока Дмитрий не выполнит всех своих посулов – и в придачу десятка других условий. Хороший был сделан ход – обручить Марианну с послом, дьяком Афанасием Власьевым, представлявшим московского государя. Теперь Дмитрий не смог бы отказаться от Марианны, даже если сонмы красавиц-москвитянок начнут досаждать ему своей любовью! А слухи такие ходили...

Марианна никогда не выдавала своих чувств. Только лучшая ее подруга и камеристка Барбара Казановская знала, каким ударом было для нее узнать, что жених там, в Москве, взял к себе в постель Ксению Годунову – дочь свергнутого Бориса.

Если в Марианну влюблялись более из-за ее веселого, безунывного нрава и непостижимо очарования, то с Ксенией как раз все было очень понятно. Она была признанная русская красавица: черные тяжелые косы, великолепные очи, союзные брови, тело, словно вылитое из сливок... Все видевшие ее единодушно утверждали, что не каждому человеку повезет лицезреть подобную совершенную красоту. Но правду говорят: не родись красивой, а родись счастливой!

Один жених Ксении, швед Густав, оказался сущим вертопрахом и пьяницей; другой, датский королевич Иоганн, всем удался, да вот беда – помер, едва пожив в России две недели... И теперь Ксения угодила на ложе губителя своего отца.

Однако очень странные вести доходили до Кракова, где в то время находились Мнишки. Ксения якобы стала не просто наложницей, а постоянной любовницей Дмитрия! И меж русскими уже ходят слухи, что Ксения Годунова, пусть и дочь ненавистного Бориса, – все же меньшее зло в качестве жены царя, чем полька-еретичка, которая приведет на Русь иноземные свычаи и обычаи, а главное – латинскую веру...

«Пся крев! – испуганно подумал Юрий Мнишек, когда до него дошли сии опасные слухи. – Как бы не промахнуться! Придется-таки дочке ехать в варварскую Московию!»

Однако он все же сделал хорошую мину при плохой игре и отправил неверному зятю разгневанное послание. Нет, Мнишек, как истинный иезуит, достойный ученик учителей своих, не угрожал, не страшил Дмитрия. Однако новому русско-му царю сразу стало понятно: отец Марины не просто рассержен – он в ярости! И если Дмитрий не внемлет предупреждению, Мнишек посчитает, что он нарушает принятые меж ними соглашения, а значит, сам сочтет себя вправе нарушить главное свое слово: отпустить из Польши дочь. Мнишек сделал верный ход. Одна мысль о том, что он, быть может, больше никогда не увидит Марину, заставляла дыхание Дмитрия пресечься. Он и сам знал, что в его любви в Марине

было нечто роковое, нечто пугающее его самого. Наваждение, вероятно, даже бесовское наваждение, но... Она была его путеводной звездой, смыслом и венцом всех страданий, которые претерпел он в стремлении к отеческому престолу. Подобную роковую любовь чувствовал, наверное, Антоний к Клеопатре, который будто предвидел, что эта любовь погубит его, но не мог избавиться от нее.

Дмитрий надеялся, что и Марина так же сильно любит его. Но она любила царский венец над его головой. Злат венец, отблеск коего озарял и ее судьбу. Она любила царский престол!

Но Дмитрий не знал этого, а потому Ксения была в тот же день отправлена в Кирилло-Белозерскую обитель и там пострижена в монахини под именем Ольги. Такой жертвой Дмитрий дал знать Мнишку, что по-прежнему ставит свое обручение с Мариной выше всего на свете.

С другой стороны, теперь и вельможному пану-обманщику некуда было деться. И вот наконец-то, в апреле 1606 года, через год после того, как претендент отвоевал наследственный престол и сделался русским царем, из Кракова выехал многочисленный поезд государевой невесты. Свита самого пана воеводы, конная и пешая, состояла из 445 человек и 411 лошадей. В свите Марианны было 251 человек и столько же лошадей. Почти все шляхтичи также имели своих слуг и панков чином поплоше, иной раз их число доходило до полусотни.

При Марианне присутствовали ее статс-дамы, Ядвига и Люция Тарло, фрейлина Ванда Хмелевская, несколько знатных девиц, а также гофмейстерина и наперсница Барбара Казановская. Вскорости должны были прибыть жены более мелкой шляхты, которым тоже предстояло поступить в услужение к будущей русской царице.

В большом количестве наличествовали священники, и торговцы, и суконщики, и ювелиры, а также аптекарь (он же кондитер, пирожник и водочник). Ни много ни мало, а около двух тысяч путников, полных надежд на удачу и наслаждения, хотя и не без опасений за будущее, двигались к цели – к Москве.

А о чем же в это время думала, на что надеялась та, ради которой было предпринято и путешествие, и – в немалой степени! – само свержение Бориса и завоевание Дмитрием российского престола? Трепетала ли она от нетерпения, предвкушая встречу с человеком, который ради нее свершал подвиги, достойные сказочных героев? Мучилась ли от разлуки – вероятно, вечной разлуки – с родной землей? Боялась ли того нового и неизведанного, что ожидало ее теперь? Ведь путешествие было опасным: например, при переправе через Днепр один из паромов, слишком тяжело нагруженный, перевернулся и потонул, погибло пятнадцать человек...

Она находилась в истинном смятении чувств, и впервые непоколебимая уверенность ее в себе пошатнулась.

Главным свойством натуры Марианны Мнишек было глу-

бокое, неискоренимое честолюбие. Она верила, что рождена для великой доли, именно потому свысока относилась к обычному предназначению женщины: стать хорошей женой и доброй матерью. Оказывается, предчувствия ее не обманули! Ей была уготована миссия не только сделаться русской царицей, но и привести к подножию святого Петра¹ огромную массу народа, глубоко укоренившегося в православии. И она не сомневалась, что своими чарами сумеет заставить молодого русского царя исполнить обещанное!

Царя? Верила ли она, что в самом деле выходит замуж за истинного сына Грозного?

Размышления на эту тему Марианна таила даже от себя самой, но они вернулись к ней с новой силой, когда, уже прибыв в Москву, она оказалась в Вознесенском монастыре в Кремле. Здесь жила инокиня Марфа, седьмая жена Ивана Грозного, мать Дмитрия.

Именно свидетельство этой женщины оказалось решающим для того, чтобы Россия признала в претенденте истинного царевича. Но подлинно ли мать узнала своего сына через пятнадцать лет? Или просто притворилась – из страха, из желания выбраться наконец из глухого, страшного лесного монастыря, где провела многие годы, из желания обрести почет и уважение, сквитаться со своими обидчиками? Никто того не знал, кроме самой инокини Марфы, и Марианна очень хотела повидаться с ней, посмотреть женщине в глаза,

¹ Иносказательное название католической веры.

отыскать таившуюся в них истину...

Хоть монахини и пытались казаться приветливыми, встречая царскую невесту, это им удавалось плохо. Инокinya Марфа, бывшая царица Марья Нагая, с трудом скрывала ужас при виде Марины (теперь полячку все называли только так – на русский лад) в ее кринолине – новейшая парижская модель! – и с новомодной прической.

А Марина в монастыре тоже едва сдерживала страх и даже говорила чуть слышно, словно голос у нее сел под гнетом тяжелых бревенчатых стен, так и давивших со всех сторон. И потолки здесь оказались такие низкие, что человеку ростом повыше выпрямиться было бы невозможно. О, теперь-то Марина вполне понимала матушку Дмитрия. Окажись она на ее месте, она бы, наверное, кого угодно, даже какого-нибудь неведомого проходимца признала сыном, только чтобы вновь вернуться к благополучной, почитаемой жизни. Тем более если бы признание принесло счастье не только ей, но и целому народу. Ведь в России после смерти Годунова могла воцариться настоящая смута, а Дмитрий установил в государстве порядок...

К сожалению, ни мать, ни невеста царя не смогли решиться поговорить откровенно. Да и невозможно было сие! А между тем у инокини Марфы было что рассказать и чем разрешить сомнения Марины: человек, которого она называла сыном своим и Ивана Грозного, истинно был им.

...На другой же день после смерти Грозного все Нагие

вместе с Дмитрием были сосланы в Углич – подальше от Москвы. И вот тогда Богдан Яковлевич Бельский, опекун маленького царевича, понял, что Годунов способен на все. Он уже овладел и душой, и разумом доверчивого, слабого Федора... Но всевластие Годунова простирается лишь до тех пор, пока Федор жив, размышлял Бельский. А также не быть ему спокойну, пока в Угличе подрастает следующий наследник русского трона. Ведь Дмитрий, а вернее, его опекуны сметут Годунова с пути, когда доберутся до власти, и не просто сметут, а оставят от него лишь пятно кровавое. Ну не может, никак не может Годунов допустить, чтобы Дмитрий остался жив!

И предчувствия не обманули Бельского: спустя пять лет Осип Волохов, сын няньки царевича Василисы, а также дьяк Михаил Битяговский с сыном Данилой покусились на жизнь Дмитрия, попытались перерезать ему горло. Это увидел с колокольни церковный сторож и ударил в набат. Народ кинулся во дворец царевича. Все были убеждены, что Дмитрий пал от рук убийц, и забили Битяговских и Волохова до смерти. В поднявшейся суматохе Афанасий Нагой, брат царицы Марьи Федоровны, унес раненого мальчика и бежал с ним из Углича. Народу отвели глаза, похоронили пустой гроб. Ведь если признаться, что Дмитрий жив, Годунов рано или поздно подошлет новых убийц!

Приехали из Москвы расследователи во главе с князем Василием Шуйским. Нагие думали, что тут-то и конец их

замыслам, однако расследователи даже не пожелали взглянуть на мертвое тело. Немедленно постановили, что царевич страдал падучей болезнью и сам себя зарезал, играя в тычку. За то, что недосмотрели за ним, Нагие после пыток были разосланы по дальним далям, Марья – насильно пострижена под именем Марфы в Богом забытом Выксунском монастыре. В ссылку отправились почти все угличане. И даже колокол – тот самый, что оповестил народ о свершившемся злодеянии, – за то и пострадал: лишился ушек (точно государев преступник, коему рвут ноздри и режут уши, навечно клеймя позором!) и был отвезен в Сибирь – в Тобольск.

Не более пяти-шести человек знали, что Афанасий Нагой спрятал раненого мальчика у бояр Романовых, ненавистников Годунова и родичей первой жены Ивана Грозного, Анастасии Романовны Захарьиной. Но еще меньше народу знало, что в Угличе покушались вовсе не на подлинного Дмитрия! На его месте в Угличе жил Юрий Отрепьев – сын бедных дворян Нелидовых-Отрепьевых.

Подмена была совершена давно – еще по пути в Углич. Именно тогда хитромудрый Бельский решил обезопасить царевича от любых козней Годунова и привез в Углич сына полунищего дворянина. Конечно, Бельский и братья Романовы, Федор да Александр, следили за жизнью юноши, который воспитывался сначала в глуши, у доверенных людей, не знающих, что за птенец подброшен в их гнездо, а потом был помещен в Чудов монастырь, под присмотр настоятеля,

отца Пафнутия. С его молчаливого одобрения инок Григорий воспитывался скорее как боярский или дворянский сын, а не как монах. С его же попущения сей инок однажды исчез из Чудова монастыря вместе с братом Варлаамом, желавшим непременно добраться до Святой земли, и вскоре оказался в Южной Руси, а затем и в Польше...

Что касается подменыша, то его после спасения приютили у боярина Александра Никитича Романова, однако Юшка Отрепьев оказался истинным сукиным сыном: поссорившись с хозяином, донес на своего благодетеля – он-де прячет у себя колдовские травы. Этого было достаточно, чтобы Борис Годунов, ненавидевший всех Романовых, которые противились его восхождению на престол, расправился с ними. Юшку постригли в монахи – по странному совпадению, тоже под именем Григория. Он бежал из монастыря и выдавал себя за чудом спасшегося царевича. Отсюда и взялась та путаница вокруг личности Дмитрия, из-за которой многие несведущие люди называли его Самозванцем Гришкой Отрепьевым...

Увы, мать и невеста Дмитрия были слишком разными людьми, слишком не доверяли друг другу, чтобы найти общий язык, да и хотя бы просто приветливым словом перемолвиться. Довольно было и того, что Марина вообще нашла в себе силы побывать в Вознесенском монастыре! В зловещем помещении ее фрейлины впали в глубокое уныние, госпожа Хмелевская плакала не осушая глаз. Для полноты кар-

тины бедствий их нежные желудки очень страдали от грубой монастырской пищи. Правда, через пару дней Дмитрий прислал к своей невесте польских поваров, а также ларчик с драгоценностями, которые она разделила между своими дамами, чем несколько утешила их.

Но вот мучительная неделя истекла, и 7 мая 1606 года состоялась коронация государевой невесты.

Да, все происходило именно в таком порядке: сначала венчание на царство, а потом венчание с царем, и Марина знала, что прежде никому еще, ни одной царице московской, не было оказано такой чести, как ей. Ни Софье Палеолог, византийской жене Ивана III, ни Елене Глинской, ради которой великий князь Василий Иванович натворил множество безумств, ни Анастасии, любимейшей жене Ивана Грозного, ни Ирине Годуновой, которой муж ее, Федор Иванович, был необычайно предан, ни Марье Григорьевне Годуновой, жене царя Бориса... Они все были мужние жены – царицы лишь постольку, что стали женами царей. А Марина была венчана на царство независимо от брачного союза. В случае развода она осталась бы царицей, а если бы Дмитрий умер, могла бы царствовать без него. Она была миропомазана, возложила на плечи бармы Мономаха, прошла чрез врата, доступные только государям!

А на другой день она венчалась с царем по православному обряду.

Невеста нынче была одета по-русски, и все оказались по-

трясены роскошью ее парадного платья. Бархатное, вишневого цвета, с длинными рукавами, оно было столь густо усажено драгоценными камнями, что местами трудно было различить цвет материи. На ногах Марины – сафьяновые сапоги с высокими каблуками, унизанные жемчугом, голова убрана золотой с камнями повязкой, переплетенной с волосами по польскому образцу. Говорили, что повязка та стоила семьдесят тысяч рублей. Громадная сумма, немислимая... Но Марина уже устала удивляться окружающей ее роскоши. Ничего подобного никогда, даже в самых смелых своих мечтаниях, даже при получении необыкновенно щедрых и богатых подарков Дмитрия, она прежде не могла даже вообразить.

Но с того мгновения, как невзрачный хлопец бросил ей под ноги свой кунтуш – и сердце! – ее жизнь стала одним непрерывным взлетом. Как же больно будет сорваться! Нет, борони Боже! Однако не шло из головы тягостное предзнаменование: когда отец, воевода сендомирский, въезжал во дворец в великолепной карете, белый конь, который вез его, вдруг пал...

Наконец новобрачных привели в столовую избу, посадили рядом и стали подавать им кушанья. Когда подали третье кушанье, жареную курицу, дружка, обернувши ее скатертью, провозгласил, что время вести молодых почивать.

Сендомирский воевода и тысяцкий (им был князь Шуйский) проводили новобрачных до последней комнаты. При-

том у царя из перстня выпал драгоценный алмаз, и его никак не могли отыскать, и многие сие событие восприняли как очередное предзнаменование – самое что ни на есть злое.

Оно сбылось ровно через десять дней.

Уже несколько месяцев против Дмитрия зрел боярский заговор, возглавляемый князем Василием Шуйским. Истинный царский сын или самозванец, Дмитрий сделал свое дело – свалил с престола Годунова. Теперь Шубник – таково было в народе прозвище Шуйского – хотел сам стать государем.

Лишь только настал рассвет 17 мая, глава заговорщиков приказал отворить ворота тюрьмы и выпустить заключенных. Им раздали топоры и мечи. С солнечным восходом ударили в набат, звон покатился от одной церкви до другой.

Народ со всех сторон бежал в Китай-город. На Красной площади толпились уже до двухсот конных и пеших заговорщиков.

– Что за тревога? – спрашивали набегающие люди, которые ни о чем не ведали. А мятежники выкликали в разные стороны:

– Литва (так в те времена называли поляков) стакнулась убить царя и перерезать бояр наших. Идите в Кремль бить литву!

Весть мгновенно разнеслась по площади, а затем и по Москве. Толпа врывалась во все дома, где жили поляки, не боясь ошибиться – ведь те дома были заранее помечены по

приказу Шуйского. Пытавшихся защититься убивали на месте, а те, кто позволял ограбить себя донага, имели надежду остаться в живых, но лишились всего, даже чем грех прикрыть.

Смятение царило во всем городе.

В это время князь Шуйский, держа в левой руке крест, а в правой обнаженную саблю, ворвался в Кремль через Фроловские (ныне Спасские) ворота. Перед Успенским собором он соскочил с коня, торопливо помолился перед иконой Владимирской Божьей Матери и крикнул окружающим:

– Кончайте скорей с вором и разбойником Гришкой Отрепьевым! Если вы не убьете его, он нам всем головы снимет. Во имя Господне – идите против злого еретика!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.